

ГЛАВА 1

Спрыгнув на перрон, я огляделся: на пустой платформе не было никого, кроме меня и помятого после ночного сна мужчины, объявлявшего названия станций во время поездки. Заметив мой взгляд, он стыдливо перевернул галстук — спрятал пятно от соуса. Искренне улыбнувшись ему, я медленно кивнул, чтобы выразить благодарность за его работу. Мужчина не ответил и поспешно юркнул обратно в вагон.

Предоставленный самому себе, я развернулся на каблуках и досадливо поморщился. Вокзал представлял собой унылое зрелище: обшарпанное серое здание, окна которого давно потемнели и наверняка перестали пропускать солнечный свет. В воздухе витали запахи угля, осени и разочарования.

Проглотив колючий ком в горле, я собрался с духом и на мгновение прикрыл глаза.

«Да, это не Лондон, но все с чего-то начинали. Нужно просто пережить это. Смирение, Аллан, помни о смирении».

Вещей со мной было немного — всего один чемодан. Я подхватил его и преувеличенно бодро пошел вперед,

надеясь быстро найти кеб*, который отвезет меня в Нейквилл.

Ветер бросал под ноги пожухлые листья, опавшие слишком рано в этом году. Осень — прекрасная пора, воспетая поэтами и музыкантами, но я всегда был к ней равнодушен. Даже не так, сезон увядания пугал меня, напоминал о скоротечности жизни и неотвратимости смерти. Я всегда предпочитал прятаться от осенних ветров и дождей в залах семинарии, библиотеках, а до учебы — в отвоєванной у младшего брата комнате под крышей.

Оттянув белый воротничок, я поставил чемодан на землю и перевел дух. Мысли о брате приятно грели сердце — я знал, что Оскар тревожится обо мне и ждет первого письма. В отличие от отца, он понимал мое стремление стать священником и никогда не задавал неудобных вопросов вроде: «И в кого ты пошел?»

Единственный кеб, стоявший неподалеку, выглядел плохо, и мне с трудом верилось, что он доедет до места назначения. Некогда глянцевоый кузов покрылся разводами грязи, кое-где я разглядел ржавчину и коррозию. О кебе явно не заботились, и его угрюмый, запущенный вид добавлял уныния и без того серому дню. Но выбора не было: я понятия не имел, куда мне идти и как далеко находится церковь. Хмурый водитель помог с чемоданом. Сигарета, которую он сжимал меж зубов, тлела, а ветер услужливо уносил пепел в мою сторону. Брезгливо стряхнув серые хлопья, я уселся, слишком раздраженно хлопнул дверцей, и кеб неповоротливо вырулил на дорогу.

* Автомобили вида мотор-кеб не так давно заменили повозки с лошадьми, предоставив путешественникам вроде Аллана комфорт и возможность быстро передвигаться по туманным дорогам Англии. *Здесь и далее примечания автора.*

Стиснув зубы, я терпел тряску и неприятный запах в салоне. Пейзаж за окном тоже не радовал: пожелтевшие пустыри, изломанные, облысевшие черные деревья и серое небо, грозящееся вот-вот разразиться ливнем. Если город, в который меня отправили, выглядит так же, то я сойду с ума быстрее, чем выпадет первый снег.

Пальцы сами нашли медальон, выскользнувший из-под воротника. Я горько усмехнулся, поглаживая знакомую гравировку. Вот и все, что осталось от моей матери, Оливет Тиррелл, — жалкий кусок вряд ли драгоценного металла с символом, который был не то гербом, не то плодом скудной фантазии ювелира.

Однажды мать просто сбежала, бросив и меня, и Оскара. Сейчас, повзрослев, я понимал, что жить с нашим отцом, человеком властным и суровым, было нелегко, но тогда, в семь лет, ее предательство едва не убило меня. Оскару исполнилось всего четыре года, он ничего не понимал, и сама концепция предательства была ему незнакома. Счастливый!.. Я же прошел все стадии принятия неизбежного: рыдал, ждал мать у окна, порой засыпая на подоконнике, устраивал истерики и в конце концов слег с лихорадкой. Никто не мог мне помочь, доктора разводили руками. Но — кто бы подумал? — меня исцелили другие женские руки.

Минерва появилась в нашем доме неожиданно. Отец представил ее как свою жену, и нам с братом пришлось смириться с этим. Показать характер я не успел — заболел, сил на шалости и козни не осталось. Именно Минерва выхаживала меня, словно птенца, выпавшего из гнезда и сломавшего крылья. Она варила бульоны и терпеливо кормила меня, она читала на ночь сказки, она меняла компрессы. И я вдруг ожил.

Женские руки способны вернуть желание жить даже тому, чье сердце опустошило предательство.

С тех пор для меня не было другой матери — только Минерва. Она научила меня шить, достойно вести себя и разбираться в столовых приборах. Если отца и возмущало мое участие в «женских» делах, он этого не показывал — должно быть, боялся, что я снова слягу с неизвестной хворью.

Последний вечер перед моим отъездом вышел напряженным: вся семья собралась за большим столом, но в столовой висело молчание. Я поглядывал то на Минерву, то на брата, а на отца старался не смотреть. В тишине был слышен только хруст крутона, который он ел, макая в луковый суп. Все мы оставались на своих местах только ради Минервы: каждый из нас по-своему любил ее и не хотел огорчать, устраивая сцену.

Отец никогда не понимал, зачем мне семинария, к тому же католическая. Ему казалось, что я его предал: он собирался оставить мне свое дело и уйти на покой — так сказала Минерва в одну из наших тихих бесед. Мне было больно это слышать, но идти против себя я не хотел.

И вот я здесь — в богом забытом унылом месте, готовлюсь стать частью прихода Нейквилла и «набраться опыта у хорошего наставника». По крайней мере, именно так сказал отец Карелли, вручая мне документы.

Меня перестало трясти, кеб обступили высокие деревья, тянувшиеся друг к другу кронами — над дорогой нависал удивительный яркий купол. От красоты захватило дух, я открыл окно, чтобы получше разглядеть буйство красок, и ветер тут же растрепал мои неприлично отросшие волосы. Смахнув темную прядь со лба, я улыбнулся водителю в зеркало заднего вида, но тот лишь бросил на меня полный раздражения взгляд и попросил поднять стекло.

Вскоре кеб остановился у кованой калитки, увитой розами. Я неуклюже выбрался из салона и хотел было поблагодарить хмурого водителя, но тот отмахнулся, забрал деньги и уехал. Еще какое-то время я стоял и провожал кеб взглядом, удивленный и разочарованный.

Низкая калитка открылась без скрипа. Аромат цветущих роз щекотал ноздри. Он был навязчив, густ, а сами кусты — невероятно зелены, несмотря на то что природа вокруг готовилась к грядущим холодам. Не сдержавшись, я прикоснулся кончиками пальцев к упругому бутону и полной грудью вдохнул запах, всегда напоминавший мне о смерти.

Церковь оказалась совсем небольшой: скромное светлое строение из крупного камня, с серой крышей. Пока я разглядывал ее, двойные двери приветливо открылись, и на пороге появился седой мужчина в рясе. Он обхватил себя руками, пытаясь защититься от ветра, и зябко поёжился.

— Отец Уэйн? — окликнул он. — Входите! На улице ужасно холодно!

К стене у входа заботливо прикрепили неприметную каменную чашу. Вода в ней оказалась ледяной, но я не поморщился, погрузив в нее кончики пальцев.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал я, переступив порог церкви. — Цветы снаружи завладели моим вниманием.

— Сестра Лидия заботится о них. У нее дар — она способна вырастить что угодно и где угодно. Я отец Паскаль.

Ладонь мужчины оказалась шершавой и мозолистой, а рукопожатие — удивительно крепким. Стараясь соблюдать приличия, я исподволь разглядывал его, пока мы усаживались на скамью. Стариком отец Паскаль не был, хоть седина и посеребрила его виски. Расправленные

плечи, ровная спина, и ни намека на округлившийся живот, которым были обременены многие священники в семинарии. Когда отец Карелли отправлял меня сюда, он говорил, что настоятель прихода нуждается в помощнике, но сейчас, глядя на отца Паскаля, я совершенно не понимал, зачем этому крепкому мужу могла понадобиться чья-то помощь.

— Меня попросили передать вам письмо, — спохватился я.

Отец Паскаль принял конверт, но распечатывать его не торопился. На тонких губах играла задумчивая улыбка.

— Отец Карелли — мой старый друг. Когда-то мы учились вместе, — сказал он. — Недолго, я только поступил, а он уже выпускался, но... В те времена и зародилась наша дружба.

— Как здорово, что вы пронесли ее сквозь года, — искренне сказал я.

— Мы должны держаться вместе, не так ли?

Я кивнул. В англиканском обществе католиков оставалось ничтожно мало даже после эмансипации*.

— Где вы учились? — спросил отец Паскаль.

— Во Франции.

— В Англии все еще слишком мало католических семинарий, понимаю. — Отец Паскаль кивнул. Он продолжал

* Акт об эмансипации католиков был подписан в 1829 году, благодаря чему католики впервые за столетия получили право голосовать, занимать государственные должности и быть избранными в парламент.

После этого словно пробка вылетела из бутылки сдерживаемого веками напряжения: католики вновь начали появляться в англиканском обществе не как преследуемые, а как полноправные участники общественной жизни.

держат конверт, время от времени сжимая его. — Меня отец отправил в Рим.

— Он поддерживал вас в стремлении стать частью Церкви? — удивился я.

— Он был хорошим человеком. Вернемся к вам! Жалете, что уехали из родного города? Должно быть, думаете, что угодили в ужасную глушь.

— Если честно, сойдя с поезда, я так и подумал, — признался я. — Но о том, что уехал, не жалею.

— Нейквилл — хороший город, он вам понравится. Я приехал сюда тридцать лет назад и до сих пор рад, что мои дни закончатся именно здесь — среди вересковых пустошей, вековых деревьев и славных людей.

— Вам рано думать о смерти.

— Никогда не рано думать о ней, отец Уэйн. Завтра не обещано никому. — Отец Паскаль усмехнулся. — Какая печальная выходит беседа! Давайте перейдем к приятному: для вас освободили дом, он совсем рядом. Ключи доверили мне, так что я с радостью провожу вас.

— Буду признателен.

— Вам доводилось самостоятельно читать проповеди? — вдруг спросил отец Паскаль.

— Перед прихожанами? Боюсь, что нет, — честно ответил я.

— Думаю, в ближайшее воскресенье именно вы должны сделать это. Успеете подготовиться?

Опешив, я кивнул. Неужели отец Паскаль настолько доверяет мне?

— У вас такое лицо, словно вы думали, что вас здесь встретит сморщенный ворчливый старик, ослепленный гордыней и страхом быть выдворенным из Церкви. — Отец Паскаль хрипло рассмеялся. — Нет, не отвечайте, я вижу это в ваших глазах.

— К моему стыду, вы правы, — смиренно склонив голову, признался я.

— Мы, старики, прокладываем дорогу для вас — горящих своим делом, сильных, одухотворенных, молодых. Я искренне верю, что в этом и состоит наш долг. Жаль, что многие забывают об этом. Молодость — прекрасная пора, отец Уэйн. Прекрасная пора для того, чтобы совершать ошибки, падать в грязь лицом и набираться опыта.

— Вы вовсе не старик, — заметил я.

— Но и молодым меня назвать трудно, согласитесь? — Отец Паскаль улыбнулся. — Я буду рад передать приход и церковь вам, если, конечно, вы не передумаете.

Взгляд выцветших голубых глаз вдруг стал острым, словно лезвие бритвы. У меня перехватило дыхание от столь резкой перемены, но я сумел собраться и сказать:

— Принятие сана было лишь вопросом времени. С раннего возраста я знал, чему хочу посвятить жизнь.

— Не искусству? Не военному делу? — Губы отца Паскаля тронула задумчивая улыбка.

— Я безобразно необучаем, когда дело касается поэзии или музыки. — Я ответил на его улыбку, склонив голову к плечу. — И во мне совсем нет тяги к насилию, отец Паскаль. Что же касается служения Церкви...

Я скользнул задумчивым взглядом по витражному окну.

— Мачеха читала мне Библию, когда я был болен. Я любил ее больше сказок о героях и рыцарях, а после выздоровления Минерва отвела меня в католический храм, где на меня, тогда еще совсем мальчишку, снизошло... озарение, я думаю. — Я улыбнулся воспоминаниям и вдруг понял, что мачеха оказала на меня куда больше влияния, чем мне думалось.

— Эта женщина определила вашу судьбу, сама того не зная, — мягко произнес отец Паскаль. — Кажется, вы очень любите ее.

— Больше, чем вы можете себе представить, — искренне ответил я.

Отец Паскаль поднялся со скамьи и сказал:

— Что ж, возьму пальто и проведу вас к дому. Дайте мне пару минут.

Он скрылся за неприметной дверью, а я остался наедине с пустым нефом, распятием и догорающими свечами.

Отец Паскаль мне понравился. Он был прямолинеен, мыслил здраво и оказался совсем непохож на злобного старика, которым я и в самом деле его представлял.

Прохладный ветерок коснулся моей шеи, я обернулся и увидел на пороге одетую в черное женщину. Она деловито сложила зонт, откинула со лба светлый локон и огляделась. Заметив меня, незнакомка улыбнулась и спросила:

— А где отец Паскаль?

— Вот-вот вернется, — ответил я.

— А вы... священник? — Светлые брови удивленно приподнялись. — Отец Паскаль что...

— Я не покину вас, леди Эмма, даже не надейтесь. Подойдите ближе, не стойте на пороге! Неужели мой помощник вас напугал?

На ходу надевая пальто, отец Паскаль подошел ко мне и встал рядом. Воротник несуразно топорщился, но, кажется, его это совершенно не волновало.

— Как может напугать такой славный мальчик?

Леди Эмма подошла к нам. Я слегка склонился, надеясь, что этого будет достаточно. Она окинула меня заинтересованным взглядом и спросила:

— Не рано ли вам начали искать замену?

— Отец Уэйн приехал, чтобы набраться опыта, — мягко возразил отец Паскаль. — Уходить на покой меня никто не просил, но рано или поздно это все же произойдет.

— Что ж, в таком случае добро пожаловать в Нейквилл. И ради бога, простите меня за эту сцену. Отец Паскаль для нас как член семьи, я бы не пережила, если бы он покинул нас!

— Будет, леди Эмма, вы меня смущаете.

— Но это чистая правда! Сколько лет мы знакомы? Вы видели, как росли мои дочери!

Словно извиняясь за излишнюю эмоциональность прихожанки, отец Паскаль глянул на меня и незаметно пожал плечами. Я сдержанно кивнул, скорее радуясь возможности познакомиться с кем-то из местных, чем испытывая недовольство.

— Вы отвлекли меня, и я забыла, зачем пришла, — пробормотала леди Эмма, хмурясь. — После смерти Эдуарда память все чаще меня подводит.

— Можете помолиться, — предложил отец Паскаль.

— Нет-нет, меня ждет экипаж! Если я задержусь... Вы куда-то собираетесь?

— Хочу проводить отца Уэйна, у меня ключи от его нового дома.

— Отлично! Мы подвезем вас.

— Не стоит, мы правда...

— Отец Паскаль, — леди Эмма взяла его за руку и даже привстала на носочки, чтобы заглянуть ему в лицо, — вы столько раз спасали мою бессмертную душу. Позвольте отплатить вам этой малостью.

— Вы умеете убеждать. — Отец Паскаль притворно тяжело вздохнул. — Что скажете, отец Уэйн?

— Если это доставит удовольствие леди Эмме, то я не смею отказываться.

Мы вышли из церкви под ее восторженный щебет. Голос женщины был высоким, громким, казалось, будто в конце каждой реплики она ставит невидимый восклицательный знак.

На дороге стоял черный экипаж, напомнивший мне о французских фиакрах*. Запряженные кони вороной масти выглядели не элегантно, как подобает столь благородным животным, а скорее... внушительно.

— Мы могли бы приобрести автомобиль, но Эдуард коллекционировал ландо**. Я бы обменяла все проклятые повозки на еще один вечер с ним... — Леди Эмма печально улыбнулась. — После посещения церкви я всегда становлюсь сентиментальной.

— В этом нет ничего дурного, — поспешил успокоить ее я. — Вы любили мужа и бережно храните память о нем. Я был бы рад познакомиться с ним.

— О, он был прекрасным человеком! Вы даже не представляете...

Возница распахнул дверцу экипажа, и я увидел сидящую в нем девушку. Она окинула нас оценивающим взглядом и поспешно отодвинулась к противоположной стенке. Забравшись внутрь, я оказался напротив незнакомки. Весь ее вид говорил о том, что она близкая родственница леди Эммы: те же светлые волосы, большие глаза удивительно голубого цвета, немного вздернутый нос и траур. Экипаж тронулся.

— Моя дочь, Мари, — представила девушку леди Эмма. — Это отец Уэйн, теперь он будет жить в Нейквилле.

* Аллан вспомнил о наемных экипажах, распространенных в Западной Европе.

** Покойный муж леди Эммы предпочитал легкие повозки со складывающейся крышей.

Мари внимательно посмотрела на меня. Я ответил робкой улыбкой, стараясь не глядеть на нее.

— Рада знакомству, — наконец сказала она, слегка склонив голову к плечу. — Признаться честно, я скорее ожидала увидеть здесь констебля, нежели нового священника.

— Констебля? — удивился я.

— Он не новый священник, дорогая, а помощник отца Паскаля, — словно не услышав дочь, пояснила леди Эмма.

— Как скажешь, мама.

Мари потеряла ко мне интерес — отвернулась к окну, за которым мелькали темные стволы деревьев. Я же продолжал исподволь разглядывать ее.

Простое черное платье с высоким воротником, хрупкая фигура. Аккуратные ладони, сложенные на коленях. Короткие ногти, родинка на запястье. Из украшений — лишь нательный крест, и тот поразил меня изяществом. В Мари не было ничего вызывающего, она казалась Галатеей, вырезанной из лучшего мрамора — такой отстраненной и холодной ощущалась ее красота.

— А вот и ваш новый дом! — Леди Эмма похлопала меня по колену. — Надеюсь, он вам понравится. Если же нет, наше поместье с радостью откроет для вас свои двери.

— Уверен, все будет в порядке. Но спасибо за предложение, — откликнулся я, старательно изображая благодарную улыбку.

Перед тем как выбраться из экипажа, я снова посмотрел на Мари, но она не обернулась, чтобы попрощаться с нами.

— Храни вас Бог, — сказал отец Паскаль, сжимая руку леди Эммы.

— До встречи на воскресной службе!

Экипаж уехал, отец Паскаль повернулся ко мне и сказал:

— Расслабьте плечи, мой друг, вы сидели там с таким видом, будто проглотили кол.

— Неловко чувствую себя, когда...

— В присутствии прекрасных дам? — Отец Паскаль улыбнулся. — Семья Томеску очень набожная. А какие иконы и полотна писал покойный лорд!.. Эдуард, хоть и исповедовал другую религию, всегда делал щедрые пожертвования.

— Томеску... — Я пробовал звучание на вкус. — Венгры?

— Запутанная история. — Отец Паскаль вздохнул. — Насколько мне известно, лорд бежал в Англию во время очередного переворота на его родине. Что ж, вот мы и пришли. — Он передал связку ключей и отошел, предоставляя мне возможность самому отпереть кованую калитку.

Над разросшимися кустами роз возвышался построенный из красно-оранжевого кирпича двухэтажный дом. Черная крыша, выкрашенные черным оконные рамы и ставни, аккуратный дымоход — все это я заметил, едва войдя во двор. На фоне мрачного серого неба и гнетущей осенней атмосферы дом выглядел необыкновенно уютным.

— Что скажете? — Отец Паскаль спрятал руки в карманы пальто и прищурился, глядя на окна второго этажа.

— Не хотите войти? — предложил я, поднимаясь на крошечное крыльцо, огражденное кованым парапетом.

— Нет, не сегодня. Возможно, если вы однажды снова пригласите меня...

— Обязательно!

— ...тогда я не откажусь выпить чашку хорошего чая. Которым, кстати, в наших краях еще нужно постараться разжиться. — Отец Паскаль неожиданно подмигнул мне. — До встречи в церкви, отец Уэйн. Буду ждать вас завтра.

Дождавшись, пока мой наставник скроется за густыми зарослями кустов, я подобрал нужный ключ, несколько раз повернул его в замочной скважине и открыл дверь своего нового дома.